

но представить, как упрощался синтаксис предложения — от запутанной латинизированной фразы Тредиаковского к смысловому расположению слов у Карамзина. Вместе с тем, особенно учитывая название статьи («О роли художественной литературы в процессе формирования норм русского литературного языка конца XVII—XVIII века»), едва ли целесообразно совершенно игнорировать драматические и стихотворные произведения, игравшие ведущую роль в русской литературе XVIII в. В создании «обыкновенного поэтического слова» чрезвычайно велика была роль Державина, которому скоро стали узки рамки трех стилей. Не менее значительным был вклад и Фонвизина, «сторожившего натуру», чтобы речь его персонажей была как можно более естественной. Нисколько не отрицая роли М. В. Ломоносова как основателя светского ораторского искусства, мы считали бы необходимым назвать и имя его предшественника Феофана Прокоповича, проповеди которого также представляли собой образец светского красноречия на общественно-политической теме.

О процессе обмирщения искусства в конце XVII в., об усиливающемся интересе публики к личности художника и росте его личной ответственности пишет искусствовед Е. С. Овчинникова. Ее статья «Загадочные монограммы», посвященная творчеству известного живописца Иосифа Владимировича, представляет несомненный интерес и для литературоведов, так как лишний раз убеждает, во-первых, в общности путей развития смежных искусств, а во-вторых, в их тесной связи с политической. Последнее становится особенно очевидным на примере оформления Библии 1663 г. На фронтисписе этой культовой книги, выполненном, как установила Е. С. Овчинникова, тем же Иосифом Владимировичем, помещаются, в нарушение всяких церковных традиций, государственный герб и портрет царя Алексея Михайловича. Совершенно правильный вывод исследовательницы о стремлении подобным образом возвеличить царскую власть, а не церковь, можно было бы дополнительно подтвердить следующим фактом. Появление Библии вызвало крайне злобную реакцию патриарха Никона, находившегося в ссылке и ожидавшего суда за превышение власти. Он пишет с негодованием, что на титульном листе «написан орел двояглавый, на орле же царь на коне, в гордости велицей зело», а крест помещен «под ногама коня и орла», в «темноте и бесславии», «в тесноте некоей», символизируя тем самым униженное положение церкви.

Одним из характерных явлений русской жизни в переходный период является, как известно, установление контактов с Западом. Теоретическое осмысление этого факта дано в статье П. Н. Беркова «О литературе так называемого переходного периода». Исходя из учения Маркса и

Энгельса о «всесторонней связи и всесторонней зависимости наций друг от друга», а также опираясь на высказывания Н. С. Тихонравова и А. Н. Пыпина, с одной стороны, и Д. С. Лихачева, с другой, крупный советский ученый приходит к выводу, что в переходный период русская литература начинает входить во всемирную литературу как ее часть и это «вхождение» диктуется логикой классово-вой борьбы.

Новые конкретные размышления содержатся в статье О. А. Державиной, которая на широком материале прослеживает сценическую жизнь популярного в средние века сюжета о грехопадении первых людей и их изгнании из рая («У истоков русского театра. Библейская история об Адаме и Еве на западноевропейской и русской сцене XVII века»). Англо-норманская «Игра об Адаме» XII в., древний английский миф «Опустошение ада», немецкая пьеса XIV в. «Страсти» — далеко не полный перечень иностранных драматических источников, которые изучила исследовательница, прежде чем пришла к выводу, что «Жалостная комедия об Адаме и Еве», поставленная в театре Алексея Михайловича, представляет самостоятельную обработку сюжета, хотя и достаточно близкую к драме голландца Вондела «Адам в изгнании».

Статья Е. М. Двойченко-Марковой («Из истории русско-румынских культурных взаимосвязей XVII века») значительно расширяет наши представления о контактах Руси с православной Валахией. Исследовательница подробно рассказывает о просветительской деятельности Николая Милеску Спафария, вынужденного по политическим причинам покинуть родину и навсегда поселиться в Москве. Переводчик и учитель, он своими описаниями Сибири и Китая много сделал для развития русской географической науки.

Если О. А. Державина и Е. М. Двойченко-Маркова прослеживают различные пути влияния западной культуры на русскую, то Л. В. Крестова («Русская сказка об Иване Грозном в „Детском чтении“») доказала существование обратной связи: в этом убеждает судьба старинной русской сказки, которая, будучи записанной в XVII в. англичанином Коллинзом и переведенной им на родной язык, стала широко известна в Европе. Во Франции она привлекла мадам Жанлис, превратившей после обработки народную сказку об Иване Грозном в сентиментальный рассказ.

Единству замысла способствуют и те статьи сборника, в которых общие закономерности раскрываются на примере более частных явлений. К их числу относится исследование Е. В. Чистяковой «Формирование новых принципов исторического повествования». На материале трех памятников конца XVII в. («Сказание о взятии разинцами Астрахани» П. А. Золотарева, «Скифской истории»